

Ли Чжэн выпил чашку чая, чтобы прочистить желудок, и только потом с удовлетворением прищурился, глядя на двоих остальных.

Лу Ли с раздражением вытирал руки, а Мо Ханьшэн по-прежнему спокойно сидел рядом и пил лекарство; было непонятно, допил он уже или нет.

— Твоя нога... правда, стала?

Мо Ханьшэн не остановился, выражение его лица не изменилось ни на йоту. Он только хотел что-то сказать, как Лу Ли взорвался.

— Ты вообще умеешь разговаривать? Пришёл, чтобы тебя побили?

Ли Чжэн моргнул, с недоумением глядя на него:

— Я просто пришёл полакомиться гусиной ножкой.

Лу Ли с отвращением посмотрел на разбросанные на столе перед Ли Чжэном кости.

Мо Ханьшэн поставил чашку и, не отвечая на вопрос, спросил:

— Ваше Высочество, вам понравилось?

Ли Чжэн улыбнулся, прищурившись:

— Хорошо, хорошо, превосходно. Ты не представляешь, как я проголодался за эти дни. Честно говоря, я не знал, что это вы. Я просто почувствовал запах и последовал за ним.

Лу Ли явно не поверил, фыркнув.

Мо Ханьшэн слегка нахмурился:

— Ваше Высочество, вы только что оправились от болезни, вам не стоило есть такую жирную пищу.

— Да ладно, уже съел, я же не слабак... — Ли Чжэн махнул рукой, не придавая значения, но замолчал, когда его взгляд упал на ногу под одеялом.

Мо Ханьшэн заметил его взгляд, опустил глаза и стал вращать чашку на столе одной рукой.

Лу Ли стоял рядом, скрестив руки, и с нетерпением смотрел на него.

Ли Чжэн кашлянул, встал и серьёзно сказал:

— Благодарю вас, господин, за гуся с османтусом. Уже поздно, вам стоит отдохнуть, а я пойду. Не провожайте.

С этими словами он встал и стремительно вышел за дверь.

Мо Ханьшэн поставил чашку, краем глаза заметив сморщенное лицо Лу Ли:

— О чём думаешь?

Лу Ли нахмурился:

— Что он хотел этим сказать? Пришёл, ничего не сказал, и даже не удивился, увидев меня здесь?

Мо Ханьшэн покачал головой, улыбаясь:

— Он же съел большую часть гуся.

Лу Ли нахмурился ещё сильнее:

— Что с тобой сегодня? Почему ты так радуешься?

Мо Ханьшэн слегка приподнял бровь, но ничего не ответил.

— Ах, да, мы скоро возвращаемся, это повод для радости. — Не дожидаясь ответа, Лу Ли сам придумал объяснение, но, увидев кости на столе, не смог сдержать внутреннего возмущения.

С трудом принёс гуся, а тот его съел. Как же это раздражает.

И даже не подумал обо мне.

— Время уже позднее, тебе тоже стоит пойти. Через несколько дней придут удельные князья. — Мо Ханьшэн смотрел на закрытую дверь.

Лу Ли кивнул, в его глазах мелькнула хитрость. Он погладил подбородок и с ехидной улыбкой сказал:

— Может, добавим им перцу?

Му Цин бросил на него взгляд и спокойно сказал:

— Иди домой.

Лу Ли ушёл, смеясь.

...

Ли Чжэн шёл по дворцовой дорожке, напевая мелодию, и вернулся в Чертог Созерцания Весны.

— О, господин, куда вы ходили? — Ещё не дойдя до двери, он увидел, как Пёсик торопливо идёт к нему.

— Да никуда, просто перекусил ночью. — Ли Чжэн спокойно ответил, не обращая внимания на жалобный взгляд Пёсика, и направился к двери.

Пёсик вздохнул. Его господин слишком своеволен.

— Догдан. — Ли Чжэн, закончив умываться, лёг в постель, но не мог уснуть.

— Ваше Высочество, в чём дело? — Пёсик, услышав голос, подошёл.

— Дай мне плащ, я схожу навестить брата. — Ли Чжэн сказал. Сегодня он не видел брата и не мог успокоиться.

— Уже подготовил для вас. — Пёсик стоял у кровати с плащом, с выражением, полным

ожидания похвалы.

Он чуть ли не похвалил себя за предусмотрительность. Знал, что господин обязательно так поступит, поэтому заранее подготовился.

Ли Чжэн, услышав это, приподнял бровь, откинул занавеску и посмотрел на Пёсика:

— Неплохо, ты точно знаешь мои желания.

Если бы это сказал другой принц, слуга уже давно бы упал на колени, умоляя о прощении. Но это сказал четырнадцатый принц, и это была искренняя похвала.

Пёсик засмеялся:

— Знал, что вы не сможете успокоиться. Скорее идите.

Хотя был июнь, но ночью было прохладно.

Ли Чжэн поднял голову, увидев, что облака закрыли луну. Прохладный ветерок пронёсся, и лучи луны, пробиваясь сквозь облака, осветили дворцовые стены. Он улыбнулся и пошёл вперёд.

— Тьфу, сколько народу. — Ли Чжэн спрятался за деревом, смотря на патрулирующих стражников с лёгким раздражением. Но затем подумал, что это хорошо, что так много людей охраняют. Просто так поздно он не мог войти, не привлекая внимания.

Звук «тук» привлёк внимание одного из стражников у стены. Он обернулся, но ничего не заметил. Ночь была глубока, он уже совсем сонный, и, поскольку вряд ли кто-то осмелился бы нарушить покой дворца, он не стал обращать внимания, зевнул и продолжил бороться с сонливостью.

— Хех, этот человек совсем никудышный. — Тот, кто издал звук, теперь ещё и критиковал стражника за то, что тот не поймал его.

— Эх, лежал слишком долго, тело совсем одеревенело. — Ли Чжэн потер ногу, недовольно пробормотав. Прыгая внутрь, он случайно подвернул ногу и ударился.

Во дворе никого не было, только маленький евнух, дремавший у двери главной комнаты.

Ли Чжэн осторожно открыл окно и на этот раз ловко перелез внутрь, не издав ни звука.

Внешняя комната освещалась одной свечой, внутренняя не казалась совсем тёмной.

Ли Чжэн бесшумно подошёл к кровати и сел, глядя на спящего человека.

— Слушай, ты такой упрямый или как? С одной стороны, держишь меня на расстоянии, а с другой — тайно делаешь мне добро. Хорошо, что твой брат умен и искусен в актёрстве, иначе бы другие заметили... — Ли Чжэн лёг на кровать, вблизи рассматривая бледное лицо, и сердце его сжалось от боли.

Его брат, конечно же, был человеком с твёрдым словом, но мягким сердцем.

— Даже если заметят, что я боюсь их? На этот раз они меня реально разозлили... Ты тоже, будь немного твёрже, зачем учиться у этого вонючего монаха, который отрёкся от мира? Я давно,

ну, то есть, решительно советовал тебе не общаться с ним. Видишь, даже те, кто не соперничает, не оставили нас в покое. Этот монах просто несёт чепуху, а ты ему веришь... Эх, глупый брат, рождённый в императорской семье, нам не избежать этого... — Ли Чжэн долго говорил, в основном жалуясь на прежнюю скрытность брата и его отстранённость от мира.

Говоря, он сам начал засыпать, поэтому потянулся, чтобы проверить пульс брата.

— Хм, вроде всё в порядке. Глупый старший брат, я пошёл спать, надеюсь, завтра ты проснёшься. — Сказав это, он глубоко посмотрел на это лицо и вылез в окно.

Когда в комнате снова стало тихо, человек на кровати медленно открыл глаза, в его взгляде читались сложные эмоции.

...

Солнце ещё не взошло, но торговцы уже встали и начали готовиться к сегодняшнему дню. На каждом лице сияла радость, и улыбки невозможно было скрыть.

В начале июня поток людей в Имперском городе всё увеличивался. По словам важных персон, в этом месяце был день рождения императора. Ему исполнилось 59 лет, и в мирской жизни принято отмечать «девятки, а не десятки», поэтому в этом году празднование будет особенно пышным.

Многие знатные особы уже прибыли в Имперский город. С увеличением числа людей бизнес тоже процветал, и каждый торговец радовался, зарабатывая деньги. Особенно в заведениях общепита, где всегда было полно народу. Официанты едва успевали, мечтая о дополнительных руках и ногах, а на кухне царил жар, повара были в поту, их рубашки промокли.

Обычная повозка медленно ехала по улице, занавеска с одной стороны была слегка приподнята, и свежий утренний воздух смыл усталость.

— Господин, куда мы едем? — Кучер почтительно спросил.

Внутри Му Цин фыркнул и с раздражением сказал:

— Сколько раз говорить, называйте меня господином. На улице нужно быть скромным, понимаете?

— ...Ясно, господин. А куда мы всё-таки едем? — Слуга поспешно поправился.

Му Цин, глядя на занятых торговцев, опустил занавеску и закрыл глаза:

— Сначала поедem в усадьбу.

...

Ли Чжэн был разбужен, поэтому, открыв глаза, он был в замешательстве.

Он думал, что после стольких дней сна уже не сможет заснуть, но прошлой ночью, вернувшись, он моментально потерял сознание, как только коснулся подушки.